

Мас. I54I

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

[...]]

В ответ на приветственную телеграмму, посланную А.П.Чехову на первом представлении "Чайки" от лица публики и труппы Художественно-общедоступного театра, наш талантливый писатель и драматург прислал на имя Вл.И.Немировича-Данченко следующую телеграмму:

"Передайте всем: бесконечно и всей душой благодарен. Сажу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола. Тоскую, что не с вами. Ваша телеграмма сделала меня здоровым и счастливым. Чехов".^{I/}

< I/ Перепечатано: Псс в 20 т.т., т. XX, с. 318. >

Псс в 30 т.т. т. VII, 689

Подарок от публики.

Тема о том, что артисты Художественно-общедоступного театра коллективно постановили не принимать публично через оркестр никаких ценных подарков, побудила меня обратиться к Вл. П. Невровичу-Данченко за некоторым разъяснением.

— Собственно говоря, — говорил мне Вл. П., — мысль не принимать ценных подарков не является новой. Нужно, конечно, прежде всего сговориться относительно понятия «ценный». Вот, художники поднесли одному из наших товарищей цветочное плато и на нем проведены своей кисти. Это, конечно, подарок ценный, но вместе с тем он не подходит под категорию тех «ценных» вещей, которые могли бы оскорбить достоинство актера. Против публичного поднесения артистам золотых, бриллиантовых, серебряных вещей, вообще — вещей, имеющих рыночную ценность подарков возставил уже не раз. Эти подношения приближают артиста к тому времени, когда наши богатые бары, увлеченные игрою, кричали «браво, Сандунов!» и бросали на сцену комедии. Это была высшая награда актеру: ему бросали комедии, но не подавали руки, так как не считали его равным себе. Теперь наоборот, эгоизма актера шутят во всех слоях общества. Теперь, говоря словами одного из героев чеховской «Чайки», среди актеров мало, может быть, блестящих дарований, но средний актер стал выше...

— Против ценных подношений через оркестр как то уже ратовал и А. П. Ленский, и я. А. И. Южин тоже несколько раз уклонился от принятия ценных подарков и даже говорил, что может брать только цветы, как единственную возможную форму выражения публикой своего внимания актеру. Конечно, может возникнуть сомнение и относительно того, брать ли золотые и серебряные вещи или признавать оные лауры и цветы... Вспомните, конечно, памятный случай с М. Г. Сапжой, которой по подписке собирались поднести подарок и уже собрали около 6 тыс. руб.; но артистка уклонилась от такой формы чествования, и на эти деньги устроены были две кровати имени М. Г. из убийств для престарелых артистов, а артистка поднесла только акт, удостоверяющий это доброе дело.

— Как видите, против ценных подношений через оркестр ратуешь уже давно. Когда у нас lately находили толки по этому поводу, и считали обсуждением такого вопроса преждевременным: о чем было говорить, когда еще неизвестно, будут ли какие-нибудь подношения? На подношения являлись; между прочим, г. Вишнякову поднесли подарок, когда он играл Бориса Годунова в «Наръ Федоръ». Я не считал возможным воспретить это

подношение, так как таковы обычаи театра, его рутин, и не знал тогда к тому же взгляда г. Вишнякова; потому оказалось, что он был очень обижен этим случаем, — и вот вопрос о подношениях возник у нас снова. Мнения у нас разделились: одни возстали против всяких подношений вообще, другие считали возможным допустить лишь подношение цветов и плато, но положительное высказались против принятия ценных подарков.

— Не думаете ли вы, однако же, что такой крутой поворот в театральные обычаи не встретит одобрения большинства членов актерской семьи? — спросил я.

— Вспомните аналогичный случай в гастролирующей у нас висконской опереточной труппы, когда артистка Шиньянэ, прямо не взявши поданных ему через оркестр серебряных вещей, встрепенулась была общими выражением сочувствия. Согласитесь, что эти подношения, простите грубое слово — подарки должны быть слишком оскорбительны для чуждого человека, как бы артист был велик по преимуществу, особенно — для женщины... А смотреть на эти подарки как на дань таланту... Хотеть — не хочется, а надо признаться, что не всегда это так, и очень часто цылы горы подарков достаются актрисам и у публики мало популярным, и обывающим в очень суровой шутке талантом сличившимся.

— Наконец, — продолжал Вл. П., после минутной паузы, — пусть это и вызовет протест среди актеров, но вся мысль, интеллигентная публика оценит наши побуждения. Это должно поднять престиж сценического деятеля в общественном мнении. Когда борешься против театральной рутин, естественно ждать и протестов. Кому бы пришла в голову такая мысль говорить со специями к публике? Однако же в «Чайке» К. С. Станиславский поставил скандал у самой почти раины, и актеры шли за ней сном из публики и так мало бестру. И однако же это вышло очень удачно... Там, по крайней мере, признало большинство. Мы боремся против обветшавших театральных традиций; может быть, мы иногда действуем через край, и нас за это ругают. Но думаю, — мысль радость признавать всякое замечание, даже порицание, только бы оно не было сознательным глумлением. Не думаю, что в данных случаях снисходить большинству будут на нашей стороне...

С.

Зрелище
Темно
Светло
Светло
Светло
Светло
Светло

Подарок от публики